

Элизе Реклю

Анархия и церковь

Наше отношение к церкви и церквям ясно определяется их собственным к нам отношением. На счет последнего невозможны НИ ошибки, ни сомнения. Нас ненавидят, поносят, проклинаят. Нас обрекают не только на муки ада — для нас это лишено всякого смысла, — но требуют даже, чтобы нас преследовали светскими законами; они предают нас особенной мести королей, тюремщиков и палачей, наконец, отдают в руки изобретательных мучителей, заведующих пытками, которых содержит в своих темницах все еще живая святая Инквизиция. Попы на официальном злом языке последних булл сражаются именно с «безумными и дьявольскими новаторами», горделивыми последователями ложной науки, с фанатиками, прославляющими свободу совести, презирающими все святое, с гнусными развратителями юношества, с поборниками преступления и несправедливости, — эти проклятые, эти отверженные, прежде всего те, которые называют себя революционерами, анархистами или свободниками.

Прекрасно. Вполне справедливо и законно, чтобы те, кто называет и мнит себя помазанниками неограниченного господства над человеческим родом, сосредоточивает всю силу своей ненависти на проклятых, которые отрицают их право на власть и осуждают все проявления этой власти. «Истребляйте. Истребляйте». Таков девиз церкви, как и во времена святого Доминика и Иннокентия III.

Христианской нетерпимости мы противопоставляем также нетерпимость, но нетерпимость людей и притом людей, проникнутых духом современной науки, а не нетерпимость кудесников и палачей. Мы всецело отвергаем как учение католицизма, так и учение всех родственных ему религий, дружественных и враждебных; мы боремся против их учреждений и дел, мы трудимся над разрушением последствий всех их поступков. Но мы делаем это без личной ненависти, потому что мы знаем, что действия людей определяются средой, где воспитывали их матери, где их кормило общество, мы знаем, другое воспитание и менее благоприятные обстоятельства могли бы и нас сделать более ограниченными, поэтому мы и стремимся, прежде всего, к тому, чтобы создать для них—если это еще не поздно — и для всех будущих поколений новые условия, которые излечат, наконец, от мании креста и от других религиозных бредней. Мы нисколько не помышляем об отмщении в тот день, когда мы окажемся сильнейшими: церковь в течение 15 веков своего господства унесла так много жертв, что эшафотов и костров оказалось бы недостаточно. При том же месть совсем не в наших принципах, так как ненависть влечет за собой ненависть, а мы спешим начать новую эру социального мира. Наше твердое намерение, которое мы хотим осуществить, состоит не в том, чтобы «внутренностями последнего священника свернуть шею последнему королю», но сделать так, чтобы в очищенной атмосфере нашего нового общества не могли бы родиться ни короли, ни священники. Как того требует логика, наше революционное творчество относительно церкви должно быть разрушитель-

ным, прежде чем стать созидательным, хотя эти две фазы действий находятся во взаимной зависимости и могут осуществляться одновременно, но в различных формах, смотря по окружающей среде. Само собой разумеется, мы и не думаем насильственно разрушать искреннее верование, наивные и набожные иллюзии, мы не можем проникнуть в сознание, чтобы изгнать из него смущение духа и тревожные мечты, но мы можем приложить все старания к тому, чтобы устранить из деятельности общества все то, что противоречит признанным научным истинам; мы можем вступить в борьбу с теми, которые ищут точки опоры в божественном — вне человечества и мира, давая возможность кастам паразитов надевать личину набожных посредников между мнимым творцом и его созданиями. Так как страх и запугивание были во все времена побудительными причинами, отдавшими людей в рабство, — ведь короли, маги, священники, педагоги прибегали к этому средству в самых различных формах, — то мы будем непрестанно бороться с этим трепетом перед богами и перед священниками посредством изучений и изложения спокойной ясности вещей. Будем преследовать все выдумки, которыми заполнены преподавания, книги и искусства по милости получающих доход за счет древней богословской мудрости.

И особенно не будем забывать ставить препятствие мерзкому платежу прямых и косвенных налогов, которые у нас вымогает духовенство, прекращать постройку часовен, уличных алтарей, церквей, статуй по обету и других безобразий, которые позорят наши города и деревни. Прекратим источник миллионных доходов, со всех сторон приливающих к крупному нищему Рима и бесчисленным мелким нищим его конгрегаций. Наконец, повседневной пропагандой отнимем у священников детей, которых дают им учить, молодых людей, которых они хотят сочетать браком, умирающих, которых они кропят святой водой за приличное вознаграждение.

Пусть покинет народ христианство. Но его обращают в христианство школы, ответят нам, — как закроем мы эти школы, когда на их защиту встанут отцы семейств, требующие «свободы» воспитания, избранного ими. И вот нам, ратующим непрестанно о свободе, считающим личность достойной этого состояния, лишь в силу ее неограниченной гордой независимости, нам противопоставляют также свободу. Если бы это слово соответствовало правильным понятиям, мы могли бы лишь с уважением преклониться, чтобы остаться верными себе; но разве эта отцовская свобода заслуживает иного названия, кроме похищения, простого и явного присвоения ребенка, который должен принадлежать себе самому и которого поручают церкви и государству, чтобы его искалечили по своему усмотрению? Разве не походит эта свобода на свободу фабриканта, располагающего сотнями и тысячами рук и употребляющего их как ему заблагорассудится — на то, чтобы дробить металлы или сучить нитки — на свободу генерала, который заставляет маневрировать по своему усмотрению тактические единицы штыков и сабель. Отец, убежденный пото-

мок римского *pater familias* имеет одинаковое право морально убивать, как сыновей, так и дочерей или что еще хуже — развращать их.

И из этих двух индивидов — отца и ребенка — на наш взгляд равных, мы должны по мере сил поддерживать более слабого: с ним мы объявим себя солидарным, ибо мы постараемся защищать от всех тех, кто вредит ему, будь то сам отец, или называющим себя таковым. Если государство посредством особого закона, продиктованного общественным мнением, отнимает у отца право осуждать своего сына на невежество, то мы, объявившие себя солидарными с новым поколением, мы сделаем все, чтобы защитить последнего от извращенного образования. Бьют ли или мучают родители ребенка, начинают ли катехизисом или развращают его невежественные «братья», учат ли его лживой истории или фальшивой морали иезуиты, сотканной из низости и жестокости — в наших глазах все это равно преступно.

Против всего мы боремся с одинаковой энергией. Конечно, пока существует монархическая форма семьи — слепок с государства, управляющего нами — до тех пор наше твердое намерение вступить за ребенка, защищая его от родителей и священников, будет трудно осуществимо, но, тем не менее, именно в этом направлении должны быть направлены все наши усилия. Да, будем или поборниками справедливости или сообщниками преступления — середины здесь нет. В этом вопросе, как и во всех остальных социальных вопросах перед нами встает великая проблема, породившая споры между Толстым и другими анархистами. Дело идет о непротивлении или сопротивлении злу. Что касается нас, то мы находим, что оскорбленный, остающийся пассивным, отдает униженных и слабых во власть угнетателей и богачей. Будем сопротивляться без ненависти, без злобы, без жажды мщения, со спокойной гибкостью философа, который владеет и точно отражает в каждом своем поступке свою глубокую мысль и свое искреннее желание, но будем сопротивляться. Современная школа явно, безусловно, направлена против нас, подобно удару шпаги или вернее подобно миллиону шпаг, так как дело идет о том, чтобы восстановить против нас всех детей нового поколения. Мы понимаем школу, как и общество «без Бога и господина» и объединяем все силы нашего ума и воли против школ, где преподается послушание Богу и особенно его представителям, господам всех родов — отцам и монахам, королям и чиновникам. Мы равно отвергаем и все школы, где воспитывают мнимые гражданские добродетели — рабское выполнение законов и ненависть к другим народам, и те, где детям твердят о том, что они должны быть не более, как «палки» в руках священников. Мы осуждаем эти школы, и когда на нашей стороне будет сила, мы закроем их.

Пустые угрозы, скажут нам с иронией. Ведь вы еще не победители, и мы пока повелеваем королями и солдатами, чиновниками и палачами. Да, это, по-видимому, справедливо.

И все же весь этот аппарат для угнетения нисколько не пугает нас, ибо также велика сила тех, кто взял истину себе в союзницы и распространяет свет вокруг

себя. История развивается благоприятно для нас, потому что, если бы наши противники объявили науку банкротом, то для нас она осталась нашим руководителем и поддержкой. Существенная разница между членами церкви и их врагами, между порабощенными людьми и свободными, состоит в том, что первые, лишённые собственной инициативы, мало-помалу слабеют и умирают, тогда, как в нас расцветает жизнь, благодаря самопроизвольной деятельности анархических сил.

Наше нарождающееся общество свободных людей, которое с трудом разрывает буржуазные путы, не могло бы иметь никакой надежды восторжествовать когда-либо, не могло бы даже родиться, если бы мы не имели перед собой истинных людей со своими собственными стремлениями и энергией, а не бесчисленную армию ханжей, расслабленных преклонением и послушанием и осужденных на хаотичность мыслей. Какова бы ни была ценность активно верующего христианина, с точки зрения его ремесла или занятий, оно с точки зрения мышления остается лишь бесформенной и неустойчивой массой. Это живой организм.

Тем не менее не нужно забывать, что самые страшные противники — не верующие, не бедняки, умертвляющие ум, которых вы найдете распростертыми в часовнях, набожная вера которых набросила на их глаза непроницаемую повязку, скрывающую от них действительный мир, нет, гораздо страшнее этих христиан те честолюбивые лицемеры, которые ведут за собою, и те равнодушные, которые, не будучи католиками, официально присоединились к церкви. Явление на первый взгляд противоречивое: клерикальная армия растет по мере того, как уменьшается вера. Вражеские силы собираются с двух сторон: церковь объединила вокруг себя всех своих естественных сообщников, которым нужны рабы: царей, военных, чиновников всех родов, раскаявшихся вольтеррианцев и даже честных отцов семейств, которые хотели бы воспитать своих детей вполне благоразумными, вышколенными, грациозными и вежливыми, но лишёнными силы во взглядах и мужества в мыслях.

Впрочем, все это совершается под высоким покровительством, так называемой, «республики». Да, она по истине заслужила торжествующие слова епископа Дюпалду: «Если последствием республики будет лишь возвращение иезуитов и всех религиозных конгрегаций, то я понимаю, почему Бог разрешил ее».

И церковь, всегда падкая на грабеж, не замедлила потребовать права вступления в ее члены для всех своих новых союзников, республиканцев и других. Благодаря этому, богатства духовенства возросли в громадных размерах. В одной Франции церковные имущества увеличились более, чем в 2 раза за последние 20 лет XIX столетия.

Оценивают в миллиарды дома и земли, открыто принадлежащие попам и монахам, но сколькими миллиардами они еще владеют под именем старичков и вдов. Якобинцы почти радуются, видя как эти огромные богатства

концентрируются в одних руках, и надеются, что когда-либо государство одним ударом может завладеть ими: лекарство, способное перенести болезнь в другое место, но вовсе не излечить ее. Это имущество, добытое воровством и мошенничеством, должно быть отнято силою не в пользу одного или другого класса или нескольких лиц, но в пользу всех.

Богатства эти составляют часть огромного достояния, принадлежащего всему человечеству. Все элементы реакции отныне объединены под одним и тем же символическим знаменем: крестным знаменем, и было бы наивно с нашей стороны, если бы мы позволили обмануть себя девизом этого знамени. Речь идет уже не о религиозной вере, но о господстве: искренняя вера лишь предлог для огромного большинства тех, кто хочет сохранить монополию власти и богатства. Единственная цель их — помешать во что бы то ни стало осуществлению современного идеала: для всех хлеба, свободы, работы и отдыха.

Наши враги, несмотря на то, что ненавидят и презирают друг друга, должны были все-таки объединиться в одну партию, и это важное явление должно радовать нас и побуждать к последней битве. Взятые сами по себе желания правящих классов слишком мало обоснованы, слишком нелогичны, чтобы их можно было защищать с успехом. Необходимо поэтому связать их с чем-либо высшим, с самим богом, „началом всех вещей и великим повелителем вселенной. Так во время сражения войска, занимающие слишком открытые позиции, покидают недавно выстроенные укрепления, чтобы собраться в центре, в старинной крепости, приспособленной для современной войны,

Перенесемся в воображении к будущим временам сознательной и разумной нерелигиозности. Что станут делать в новых условиях лучшие люди? — Заменить галлюцинации точными наблюдениями, ставить на место иллюзий о рае, который был обещан голодным, — действительность, основанную на социальной справедливости, благоденствии и гармоничной работе. Не трудно будет найти для последователей гуманитарной науки более содержательное и более согласованное с нравственностью счастье, чем-то, которым в настоящее время довольствуются христиане, стремящиеся лишь избавиться от тяжелого труда — мыслить самим за себя и искать в своей собственной совести побудительную причину своих действий. Не имея видимого идола, как наши дикие предки, они хотят, по крайней мере, иметь скрытого идола, который бы залечивал раны, нанесенные их самолюбием, утешал бы их в несчастье и даже обеспечивал бы им бесконечную жизнь, свободную от всяких забот. Но всех этих благ они просят для себя лично, их религии нет дела до тех несчастных, которые продолжают суровую и опасную жизненную борьбу. Подобно созерцающим бурю в поэме Лукреция, им приятно смотреть с берега, как борются с волнами потерпевшие кораблекрушение.

Наш идеал совсем не похож на этот христианский эгоизм человека, который спасает себя, видя гибель своего ближнего. Мы, анархисты, работаем над

полным освобождением всех других, обеспечивая им возможность на началах солидарности воспользоваться всяким из наших усилий. Мы понимаем нашу личную победу лишь постольку, поскольку она становится тотчас же победой общества. Наше личное счастье можно вообразить лишь среди счастья других. Анархическое общество не означает вовсе господства привилегированных, но общину равных, оно будет великим счастьем, о котором мы в настоящее время не имеем никакого представления. Жить там, где не будет голодных вымаливающих копейку, проституток, продающих себя, чтобы достать хлеба, здоровых людей, становящихся солдатами и даже полицейскими, потому что у них нет других средств к существованию. Люди, примирившиеся между собою, так как деньги, положение и принадлежность к массе не будут создавать прирожденных врагов друг другу, смогут вместе изучать, принимать участие, следуя своим личным склонностям, в общей работе преобразования, в составлении великой книги человеческих знаний — одним словом — жить свободной, все более и более глубокой могущественно-сознательной и братской жизнью, ускользая, таким образом, от галлюцинаций религиозности, и церкви. А наслаждение искусством, ныне составляющее привилегию немногих, разве не будет достоянием всех без различия? Духовенство в настоящее время имеет претензию, которая была бы смешна, не будь она заявлена и принята за чистую истину, огромным большинством добрых людей, довольствующихся повторением одного и того же и торжественным враньем. Духовенство считает своими архитекторов средних веков, скульпторов и художников эпохи возрождения, всех артистов, которые жили в господство церкви и которые по большей части обязаны своим гением духу недовольства и даже возмущения. Когда церкви и соборы были общественными памятниками, где вся городская община сходилась на свои политические, социальные и религиозные заседания, где собирались все цехи для выяснения своих интересов, направленных даже против священников и епископов, тогда здания, которые представляли совокупность городского населения, обязаны были своею красотой единству духа, создавшего их. Гражданская община прославляла себя в этом общем труде, которому были посвящены в течение веков средства общины: самые красивые церкви Италии и Германии, Англии и Франции, принадлежат тем городам, где граждане объединились в общины, республики, свободные города и заведывали своими делами вполне независимо, борясь в одно и то же время против знати и епископов.

Когда иезуиты, ставшие наконец господами, создали свой архитектурный стиль без помощи свободных каменщиков, предшественников «франко-масонов», тогда их тяжелые постройки с их завитками, фантастическими чудовищами и позолотой засвидетельствовали в достаточной мере, до какой степени безобразия могут прийти так называемые артисты жреческой касты. Как ракообразные животные морских берегов располагаются в прекрасных чужих раковинах, так священники приписывают себе заслугу возведения пре-

красных памятников средневековья, в которые они проскользнули воровским образом. Но если бы им предоставили свободу действий, то не осталось бы ни одного из этих зданий, которое не было бы имя обезображено и опозорено. Католики, хотя и завладели официально обществом, вовсе не являются и не будут властителями последнего, так как они умеют лишь заглушать, подавлять, уменьшать: все живое ускользает от них. Пусть они поспешат провозгласить банкротство «искусства», как они сделали это с наукой, трудом, со всеми силами и способностями человека, ибо они не способны понять красоту, и их труды по необходимости будут так же мелочны, как породивший их фетишизм. Бедняки, которым они с насмешкой обещали все богатства рая, добьются, наконец, благосостояния настоящей жизни. Вопреки им возникает истинная коммуна, общество свободных людей, к которому вели нас столько предшествующих революций против священников и против короля.

Библиотека Анархизма

Антикопирайт

19 июня 2014

Элизе Реклю
Анархия и церковь
1921

Сохранено 12 июня 2014 года из https://vk.com/topic-38821806_27033606